

Великолепная
Даниэла
СТИЛ

DANIELLE STEEL

Passion's Promise

Читайте в серии Даниэлы Стил:

В тихой гавани	Вояж
Выкуп	Крылья
Зоя	Удар молнии
Сестры	Неожиданный роман
Отзвуки эха	Блудный сын
Ранчо	По велению сердца
Пять дней в Париже	Прости меня за любовь
Счастливчики	Драгоценности
Идеальная жизнь	Верить в себя
Ты меня не забывай	Вторая попытка
Джонни-Ангел	Клуб холостяков
Паломино	Высшая милость
Воспоминания	Обещание страсти
Наперекор судьбе	

Даниэла
СТИЛ

ОБЕЩАНИЕ
СТРАСТИ

Москва 2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
С80

Danielle Steel
PASSION'S PROMISE
Copyright © 1976 by Danielle Steel

Перевод с английского *О. Болятко*
Художественное оформление *Д. Сазонова*

Стил, Даниэла.
С80 Обещание страсти : [роман] / Даниэла Стил ; [пер.
с англ. О. А. Болятко]. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 416 с. — (Великолепная Даниэла Стил).

ISBN 978-5-699-89480-2

Красоте и богатству Кассии Сент Мартин завидуют женщины, а мужчины падают к ее ногам. И никто не догадывается, что долгие годы Кассия в тайне от всех ведет двойную жизнь. Каждый вечер она меняет дорогие наряды на скромные джинсы и отправляется в район «бедных художников», где не знают о ее высоком статусе. Но именно там Кассия по-настоящему учится жить.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-89480-2

© Болятко О., 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Я похороню раненых, как куколок,
Я сочту и похороню мертвых.
Пусть их души корчатся в росе,
В моих следах — благовония.
Вагоны качаются, они колыбельки.
И я выползаю из этой кожи
Старых бинтов, тоски, старых лиц.

Шагну к тебе от черного автомобиля Леты,
Чиста, как младенец.

Сильвия Плат.

*Отрывок из стихотворения «Добираться»
из сборника «Ариэль»*

Глава 1

Эдвард Хэскомб Роулингз сидел в своем офисе и с улыбкой смотрел на утреннюю газету, лежавшую на его столе. На пятой странице была напечатана фотография улыбающейся молодой женщины, спускавшейся по трапу самолета. Высокородная Кассия Сент-Мартин. На другой фотографии, поменьше, она покидала терминал под руку с высоким привлекательным мужчиной, направляясь в сторону ожидавшего их лимузина. Мужчина этот не кто иной, как Уитни Хейворт III, младший партнер юридической фирмы «Бентон, Тэтчер, Пауэрс и Фрай». Эдвард был знаком с Уитни с тех пор, как тот окончил юридический институт. А было это десять лет назад. Но сейчас его не интересовал Уит. Его интересовала миниатюрная женщина, которую он держал под руку. Эдвард так хорошо знал ее черные как смоль волосы, глубокие синие глаза и нежный сливочный цвет кожи.

Она хорошо выглядела даже на фотографии в газете. Она улыбалась. И выглядела загоревшей. Наконец-то она вернулась. Ее отсутствие всегда казалось Эдварду невыносимо долгим. В газете сообщалось, что она только что приехала из Марбельи, где ее видели во время уик-энда в доме ее тети, графини ди Сан-Рикамини, урожденной Хилари Сент-Мартин. Перед этим высокородная Кассия

провела все лето на юге Франции «почти в полном уединении». Эдвард рассмеялся при этой мысли. Он регулярно все лето читал ее колонку светской хроники с рассказами о Лондоне, Париже, Барселоне, Ницце и Риме. В своем «уединении» она проводила время очень бурно.

Чуть ниже в заметке упоминались еще три человека, прибывшие тем же рейсом, что и Кассия. Дочь крупного греческого судовладельца, внезапно ставшая влиятельной особой после того, как отец оставил ей, как единственной наследнице, основную часть своего состояния. В заметке также фигурировала бельгийская принцесса, которая после осмотра парижских коллекций модной одежды решила совершить увеселительную поездку в Нью-Йорк.

У Кассии была приятная компания во время полета, и Эдварду захотелось узнать, сколько денег она выиграла у них в нарды. Эдвард в очередной раз удивился тому, что именно Кассии уделили самое большое внимание в прессе. Так происходило всякий раз. Она всегда находилась в центре внимания, вспышки камер сопровождали ее, когда она заходила в ресторан или выходила из театра. Хуже всего ей досталось в подростковом возрасте. Фотографы и репортеры всегда были жадными до скандалов, любопытными и надоедливymi. Долгие годы ей казалось, что ее повсюду преследуют стаи пираний, но это было тогда, когда она только унаследовала отцовское состояние. Теперь же они привыкли к ней, и их отношение стало более дружелюбным.

Поначалу Эдвард отчаянно пытался оградить ее от внимания прессы. Особенно в первый год. Точнее, в тот первый, ужасный, невыносимый, мучительный год, когда ей было всего девять лет. Но стервятники только выжидали. И им не пришлось долго ждать. Кассии едва исполнилось тринадцать лет, когда молодая энергичная женщина-репортер последовала за ней в магазин «Элизабет Арден» и начала расспрашивать про Лиану прямо в магазине, на глазах у всех присутствующих: «Как вы себя чувствовали, когда ваша мать...» Кассия не понимала, в чем дело. Но журналистка отлично понимала. Лицо Эдварда помрачнело от воспоминания. Сучка. Как она могла поступить

так с ребенком? На следующий день ее уволили. Эдвард был разочарован. Он надеялся, что ее выгонят с работы тем же вечером. А для Кассии все это было вновь. Известность. Власть. Состояние. Имя. Родители, имевшие дурную славу. И бабушки, и дедушки, тоже со своей историей, властью и деньгами. Девять поколений с материнской стороны. А со стороны отца только трое заслужили упоминания. История. Власть. Деньги. То, чего нельзя получить как по волшебству, или о чем можно солгать, или что можно украсть. Надо, чтобы они были в твоей крови с самого рождения. Все три. И в придачу красота и стиль. И когда к ним прибавляется еще одно магическое качество, сверкающее как вспышки молнии, тогда и только тогда появляется Кассия Сент-Мартин. Единственная, ни на кого не похожая.

Эдвард размешал кофе в белой с золотом лиможской чашке и поудобнее устроился в кресле. Из окна открывался вид на Ист-Ривер, забитую маленькими лодками и баржами, и панораму северной части города. Он умиротворенно смотрел на загроможденный центр Манхэттена, где между небоскребами виднелись расположенные на Парк-авеню и Пятой улице солидные жилые здания, напоминающие крепости. Они вплотную прижимались друг к другу рядом с деревьями Центрального парка. А вдалеке, на значительном расстоянии, виднелись расплывшиеся очертания Гарлема. Впрочем, вид из окна не слишком интересовал его.

Эдвард сделал маленький глоток кофе и сосредоточил внимание на колонке «Мартин Холламс», чтобы узнать, кто из его знакомых предположительно влюбился в кого, кто и где устраивает обед, кто будет туда приглашен и кто, вероятнее всего, не появится на этом обеде вследствие недавнего скандала. Он отлично знал, что в колонке будет одно или два упоминания о Марбельи. Он достаточно хорошо знаком со стилем Кассии, чтобы сомневаться, что она упомянет и себя. И он оказался прав.

«Среди прибывших знаменитостей, проводивших лето за границей, можно встретить Скутера Холлингворта, Биби Адамс-Джонс, Мелиссу Сентри, Жан-Клода Реймса, Кас-

сию Сент-Мартин и Джулиана Бодли. Привет-привет, все ребята здесь! Все возвращаются домой!»

На дворе стоял сентябрь, и он все еще помнил голос Кассии в эту же пору семь лет назад.

— ...Ну, хорошо, Эдвард, я это сделала. Я окончила Вассар и Сорбонну, и я только что провела еще одно лето у тети Хил. Мне двадцать один год, и теперь для разнообразия я хочу сделать то, что интересно мне. Я закончила с чувством вины, которое заставляло меня делать все, чего хотел бы мой отец, или предпочла бы моя мать, и что ты счел бы благоразумным. Я сделала все для них и для тебя. А теперь я собираюсь сделать кое-что для себя.

Она ходила взад и вперед по его офису с выражением лица, предвещавшим бурю. А он в это время с тревогой пытался понять, что же это она хочет сделать для себя.

— И что именно ты собираешься делать?

Ему показалось, что внутри у него все похолодело. Она была еще очень молода и невероятно красива.

— Я точно не знаю. У меня есть кое-какие идеи.

— Так поделись ими со мной.

— Я как раз хотела это сделать. Только не будь таким хмурым, Эдвард.

Она повернулась к нему, и в ее ярко-синих глазах вспыхнули аметистовые огоньки. Она была очень эффектной девушкой, особенно когда сердилась. Тогда ее глаза становились почти фиолетовыми, а на нежной коже лица проступал легкий румянец, который создавал контраст с темными волосами, блестящими, как оникс. Это почти заставляло забыть о том, насколько она миниатюрна. Чуть выше пяти футов, но прекрасно сложена, с лицом, которое, когда она сердилась, притягивало к себе как магнит. Она словно приковывала глаза своей жертвы к своим. И все это сокровище лежало грузом ответственности на плечах Эдварда с того момента, как умерли ее родители. С самого начала бремя этих яростных синих глаз он делил с ее гувернанткой, миссис Таунсенд, и ее тетушкой Хилари, графиней ди Сан-Рикамини.

Хилари, разумеется, не желала, чтобы ее беспокоили. Она была вполне довольна, более того, в последнее

время просто откровенно радовалась, когда девушка проводила с ней Рождество в Лондоне или приезжала на лето в Марбелью. Но не хотела, чтобы ее тревожили по «мелочам», как она это называла. Увлечение Кассии Корпусом мира было «мелочью» так же, как и получивший широкую огласку ее роман с сыном аргентинского посла тремя годами ранее. Ее депрессия, когда юноша женился на своей кузине, тоже была «мелочью», как и другие мимолетные увлечения людьми, местностями и идеями. Возможно, Хилари была права; в любом случае эти увлечения не длились долго. Но пока они длились, это неизбежно становилось проблемой для Эдварда. Когда Кассии исполнился двадцать один год, она уже двенадцать лет как была бременем на его шее. Хотя, надо признаться, этим бременем он очень дорожил.

— Послушай, Кассия, ты уже протоптала тропинку на моем ковре, но все еще не сказала, что за таинственные планы ты лелеешь. А как насчет курса журналистики в Колумбийском университете? Ты уже потеряла к этому интерес?

— Собственно говоря, потеряла. Эдвард, я хочу пойти работать.

— Да? — Он почти содрогнулся. Господи, сделай так, чтобы это была какая-нибудь благотворительная организация. Пожалуйста. — И где?

— Я хочу работать в газете, а по вечерам изучать журналистику.

На ее лице появилось выражение яростного неповиновения. Она знала, что он скажет. И почему.

— Я думаю, что ты поступишь гораздо умнее, если окончишь курсы в Колумбии, получишь диплом и уже тогда станешь подумывать о работе. Веди себя благоразумнее.

— А когда я получу диплом, какого рода газету ты мне посоветуешь, Эдвард? Ежедневный журнал о женской одежде?

Ему показалось, что он видит слезы досады и разочарования в ее глазах. Господи, она опять собирается создавать трудности. Она становится все упрямее с годами. Такая же, как ее отец.

— А какую газету выбрала ты, Кассия? «Голос Гринвич-Виллидж» или «Беркли Барб»?

— Нет. «Нью-Йорк таймс».

По крайней мере, у нее есть стиль. Этого у нее не отнимешь.

— Я полностью согласен с тобой. И считаю эту идею великолепной. Но если ты подумываешь об этом, мне кажется, что будет гораздо благоразумнее поступить в Колумбийский университет, получить диплом и...

Она резко оборвала его, поднявшись с подлокотника кресла, на котором сидела, и гневно уставившись на него через разделявший их стол.

— И выйти замуж за очень славного парня из бизнес-школы, верно?

— Нет, если только ты сама не захочешь этого.

Безрассудная, упорная, неподатливая. И еще опасная в придачу. Совсем как ее мать.

— Ну уж нет, это совсем не то, чего я хочу.

Она сердито вышла из его офиса, а чуть позже он узнал, что она работает в «Нью-Йорк таймс». Она проработала там ровно три с половиной недели.

Все произошло в точности так, как он опасался. Как одна из пятидесяти самых богатых женщин в мире, она снова оказалась под прицелом папарацци. Каждый день в какой-нибудь газете было или упоминание о ней, или фотография, или реклама на обложке, или цитата, или шутка. Другие газеты посылали своих обозревателей светской хроники, чтобы хотя бы мельком увидеть ее. Журнал о женской одежде устроил на нее настоящую охоту. Вечеринка по поводу ее четырнадцатилетия была испорчена появлением фотографов. Вечер, который они провели с Эдвардом в опере, когда ей было всего пятнадцать лет, папарацци превратили в кошмар. За этим последовали непристойные предположения об их с Эдвардом отношениях. После этого он много лет не появлялся с ней на публике. И все эти годы печатались ее фотографии, которые хранились в запасниках наряду с более свежими. Она боялась ходить на свидания, а когда ходила, очень сожалела об этом. В семнадцать лет она больше всего

боялась своей известности. В восемнадцать она возненавидела ее. Она ненавидела свое вынужденное затворничество, осторожность, с которой ей приходилось мириться, постоянную скрытность и осмотрительность. Такая жизнь была абсурдной и нездоровой для девушки ее возраста, но Эдвард ничего не мог поделать, чтобы облегчить ее существование. Ей приходилось жить в соответствии с традициями, и притом очень тяжелыми. Дочь леди Лианы Холмс-Обри Сент-Мартин и Кинана Сент-Мартина было невозможно игнорировать. Кассия «стоила кругленькую сумму», грубо выражаясь, и была красива. Читатели хотели знать о ее жизни все. И не было никакой возможности избежать этого, как бы сильно ни пыталась Кассия притвориться, что может все изменить. Она не могла этого сделать. И никогда не сможет. По крайней мере, Эдвард так думал. Но он был удивлен ее умением избегать фотографов, когда ей этого хотелось (теперь он стал снова водить ее в оперу), и поразительной способностью осаждать репортеров ослепительной улыбкой и парой слов, которые заставляли их задумываться, смеется ли она над ними или с ними, или планирует вызвать полицию. В ее характере была эта черта. Что-то угрожающее; опасное свойство власти. Но при этом она могла быть и покладистой. Это больше всего сбивало окружающих с толку. В ней необычно сочетались черты характеров ее родителей.

Кассия обладала утонченной изысканностью матери и железной силой воли отца. Они были очень необычной парой. Поразительной парой. И Кассия была похожа на них, особенно на отца. Эдвард постоянно замечал это. Но что больше всего пугало его — это сходство с матерью. Сотни лет британских традиций, прадед по материнской линии — герцог, хотя ее дед по отцовской линии был только графом. Лиана обладала такими манерами, таким чувством стиля, таким благородством души. И такой стройной фигурой. Эдвард с первого взгляда безумно влюбился в нее. Но, конечно же, скрывал свои чувства. Эдвард знал, что не имеет права даже думать о ней. Но она поступила гораздо хуже.

Сумасшествие, шантаж, страшный сон. По крайней мере, им удалось предотвратить публичный скандал. Никто ни о чем не узнал. Кроме ее мужа и Эдварда. Эдвард так никогда этого и не понял. Что она нашла в этом парне? Как мужчина он не годился в подметки Кинану. И он был такой вульгарный. Почти что грубый. Она сделала плохой выбор. Очень плохой. Лиана взяла в любовники преподавателя французского языка своей дочери. В конце концов это стоило Лиане жизни. А Кинану пришлось заплатить тысячи, чтобы замаять эту историю.

Кинан выгнал этого парня из дома и депортировал его во Францию. После этого Лиане потребовалось меньше года, чтобы утопить свое горе в коньяке, шампанском и втайне от всех в таблетках. Она заплатила высокую цену за свою измену. Кинан погиб в автокатастрофе спустя десять месяцев. В том, что это был несчастный случай, сомнений не было. Чудовишная утрата. Кинана ничего не интересовало после смерти Лианы. И Эдвард всегда подозревал, что он просто позволил этому случиться, позволил «Мерседесу» скользнуть вдоль барьера и выехать на встречную полосу. Вероятно, он был пьян или просто очень устал. Не совсем самоубийство, просто конец.

Кинан ни к чему не проявлял интереса в эти последние месяцы, даже к своей дочери. Он так и сказал Эдварду, но только Эдварду. Эдвард был всеобщий наперсник. Лиана даже рассказала ему однажды за чаем о своих отвратительных похождениях, и он глубокомысленно кивал, думая лишь о том, как бы его не стошнило в ее гостиной. Она смотрела на него с такой скорбью, что ему хотелось плакать.

Эдвард очень любил Лиану, которая была чересчур совершенна, чтобы до нее можно было дотронуться (по крайней мере, он так думал), и очень любил ее дочь. Он так и не смог понять, что привлекло Лиану к этому человеку. Может быть, ее возбуждало то, что он был так далек от людей ее класса, или просто потому, что он был молод, а может быть, потому, что он был французом.

Эдвард решил, что должен защитить Кассию от подобного сумасшествия. Он поклялся себе, что в жизни

Кассии не будет ни катастроф, ни шантажистов в лице смазливых преподавателей французского языка. У Кассии все будет по-другому. Она будет достойна аристократического происхождения своей матери и влиятельной родни отца. Эдвард считал, что это его долг по отношению к Кинану и Лиане. А также по отношению к Кассии. Он знал, ему будет нелегко. Придется прививать ей чувство долга, чувство следования традициям, которые она унаследовала. Иногда Кассия шутила, что он надел на нее власяницу, но она все понимала. Эдвард всегда следил за этим. Это было единственным, по его мнению, что он мог объективно внушить ей: понимание того, кем она является. Она была Кассией Сент-Мартин. Высокородной Кассией Холмс-Обри Сент-Мартин, отпрыском британского дворянства и американской аристократии. Дочь человека, который тратил миллионы, чтобы заработать еще больше миллионов, занимаясь сталью, медью, резиной, бензином и нефтью. Когда появлялась сопряженная с риском возможность заработать большие деньги, Кинан Сент-Мартин уже был там. Это сделало его всемирной легендой, кем-то вроде американского принца. И он был легендой, которую Кассия унаследовала вместе с состоянием. Конечно, если судить по самым строгим стандартам, Кинану приходилось иногда слегка запачкать руки, но не сильно. Он всегда был таким импозантным, настоящим джентльменом, человеком, которому люди все прощают, даже то, каким образом он сколотил большую часть своего состояния.

Лиана же была угрозой для Кассии, ее кошмарным сном, напоминанием, что, если она пересечет невидимую границу в запретную страну, она умрет, как и мать. Эдвард хотел, чтобы она больше походила на своего отца. Для него это было бы гораздо менее мучительно. Но так часто, слишком часто, она была копией Лианы, только сильнее, лучше, умнее и даже намного красивее.

Кассия родилась у незаурядных людей. Она стала последним звеном в длинной цепи почти мифической красоты и изящества. И теперь главной задачей Эдварда

было проследить за тем, чтобы цепь не оборвалась. Лиана грозила оборвать ее. Но цепь все еще была в безопасности, и Эдвард, как и все одинокие люди, которые никогда ни на что не отваживались, были не слишком красивыми и не слишком сильными, с полной самоотдачей стоял на страже этой цепи. Его собственная скромная добропорядочная семья, живущая в Филадельфии, была наименее импозантной, чем эти феерические люди, к которым он привязался всей душой. Теперь он чувствовал себя их хранителем. Блюстителем Святого Грааля — Кассии. Сокровища. Его сокровища. Именно поэтому он был так рад, что ее план работать в «Таймс» безоговорочно провалился. Все теперь будет по-прежнему мирно. На какое-то время. Она принадлежала ему, чтобы ее защищать, а он принадлежал ей, чтобы командовать им. Пока еще она им не командовала, но он боялся, что в один прекрасный день это произойдет. Все будет так же, как с ее родителями. Они доверяли ему, командовали им, но никогда не любили.

В историю с «Таймс» ему не пришлось вмешиваться. Кассия уволилась. Она вернулась в университет, на лето улетела в Европу, но осенью все опять изменилось.

Кассия вернулась в Нью-Йорк более решительной и более женственной. В двадцать два года она продала кооперативную квартиру на Парк-авеню, где тринадцать мирных лет прожила с миссис Таунсенд — Тоти, — и арендовала две квартиры поменьше, одну для себя, другую — для Тоти, которая была мягко, но решительно отправлена на покой, несмотря на протесты Эдварда и слезы самой Тоти. Затем Кассия отправилась решать проблему с работой с такой же категоричностью, какую проявила в квартирном вопросе. И в этом она обнаружила поразительную изобретательность.

Она объявила новость Эдварду за ужином в ее новой квартире, при этом, чтобы смягчить удар, предложила ему очень приятное белое вино «Пуйи Фюме'54».

Кассия завела себе литературного агента и потрясла Эдварда тем, что прошедшим летом уже опубликовала три статьи, которые прислала из Европы. И самым по-

разительным в этом было то, что он прочитал все три и они ему понравились. Он помнил их — статью о политике, которую она написала в Италии, трогательную статью о кочевниках, с которыми она повстречалась на Среднем Востоке, и очень смешную пародию на Клуб Поло в Париже. Все три статьи появились в публикациях под именем К.С. Миллер. И именно последняя статья спровоцировала последующую цепь событий.

Они открыли еще одну бутылку вина, и Кассия внезапно стала выглядеть шаловливой, какой становилась всегда, когда хотела выжать из него обещание. Он вдруг почувствовал, как у него засосало под ложечкой. Он понял, что это еще не все. Он испытывал это чувство всякий раз, когда у нее был такой взгляд. Взгляд, который так остро напоминал ему ее отца. Взгляд, который говорил, что план уже продуман, решение принято и ничего нельзя сделать, чтобы изменить это. И что теперь?

Она взяла утреннюю газету и открыла ее на второй странице. Эдвард представления не имел, что он пропустил. Он внимательно прочитывал эту газету каждое утро. Но она указала на колонку светской хроники, подписанную Мартином Холламом, а ее-то он этим утром не потрудился прочитать.

На самом деле это была очень странная колонка, и появилась она около месяца назад. Это был немного циничный и исключительно проницательный обзор, посвященный тому, чем занимается светская публика на своих закрытых приемах. Автор проявил очень хорошую осведомленность в этом вопросе. Никто не имел ни малейшего представления, кто такой Мартин Холлам, и все старались выяснить, кто мог бы стать предателем. Кем бы он ни был, он писал довольно беззлобно — но, безусловно, с хорошим знанием внутренней информации. Кассия указала на верхнюю часть колонки.

Он внимательно прочитал ее всю, но не нашел упоминания о Кассии.

— Ну и что?

— А то, что я хочу познакомить тебя с моим другом. Мартином Холламом.